

УДК 316.7:070

DOI: 10.18413/2408-932X-2015-1-4-51-56

Меринов В. Ю.

**СОВЕТСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА 30-НАЧ. 50-Х ГОДОВ
КАК ИСКУССТВО СОЦРЕАЛИЗМА.
СТИХИЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ ПЕРСОНАЖ**

Кандидат философских наук, доцент. Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье анализируется базовый метод описания действительности советской журналистикой 30-х – начала 50-х гг. Показано, что в его основе лежал сформированный в недрах тоталитарной культуры метод соцреализма. Советские журналисты не были субъектами познания реальности, а выполняли партийные установки, руководствуясь в своих материалах предустановленной соцреалистической схемой конфликта, противостояния положительных и отрицательных героев. Отрицательный персонаж являлся важным структурообразующим элементом конфликта. Он парадоксально объединял в себе противоположные черты: с одной стороны, он был почти всемогущ и наделялся сверхчеловеческими чертами, с другой, был слаб и обречен на поражение. Представители Хаоса выстраивались в строгую иерархию в зависимости от преследуемых целей. Между сталинистской журналистикой и искусством (литературой, прежде всего) существовали некоторые отличия. Так, во всяком случае, во второй половине 20-х и в 30-е годы, литература более сосредоточена на самом процессе пересотворения стихийного человека в человека «сознательного». Журналистика же более обращалась к результату пересотворения. Впрочем, эти отличия ничего не меняли в существе изображаемого мира.

Ключевые слова: советская журналистика; соцреализм; тоталитаризм; отрицательный персонаж.

Merinov V. Yu.

**THE SOVIET JOURNALISM OF THE 30s – EARLY 50s AS THE ART OF
SOCIALIST REALISM. SPONTANEITY AND A NEGATIVE CHARACTER**

PhD in Philosophy, Associate Professor. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: merinov@bsu.edu.ru

Abstract

The article analyzes the basic method of describing the reality of Soviet journalism in the 30^s – early 50^s. In it's basis which was formed in the depths of totalitarian culture, there was a method of social realism. Soviet journalists were not the subject of understanding reality, but they performed the party's directives, and were guided in their works by a predefined socialist-realist scheme of confrontation of positive and negative characters. The negative character was an important structural element of the conflict. It paradoxically united an opposite characters inside. On one side, it was almost all-powerful, but on the other side, it was weak and doomed to failure. Representatives of chaos built themselves into a strong hierarchy depending on intention. However, there were some differences between Stalinist journalism and art (literature above all). So, in the second half of the 20^s and in 30^s, literature was more focused on remaking a «natural» human into a «conscious» person. Journalism was more focused on the result of the «remaking» process. However, these differences didn't change anything in the content of the world being portrayed.

Keywords: Soviet journalism; totalitarianism; socialist realism; negative character.

Советская журналистика сталинской эпохи – весьма непростое культурное явление. Одну из главных сложностей при анализе сталинской культуры в целом представляет ее имитационный характер. Это целый мир текстов и самоназваний, не раскрывающих, а, наоборот, скрывающих (затемняющих) реальность.

Так, в сталинскую эпоху отечественная журналистика практически утратила возможности для независимого осмысления мира, самостоятельного (в том числе личностного) целеполагания. Задачи и способы их разрешения задавались сверху – Партией и лично Вождем.

Таким образом, журналистика лишилась собственно журналистских черт: опоры на факт, персонализма, «объективного и полного» отражения действительности [9]. Она превратилась в один из репрессивных институтов, выстроенных по общей тоталитарной матрице [10].

Главным инструментом репрессии в отношении культуры выступал единственный художественный метод, или, точнее сказать, большой стиль эпохи – социалистический реализм [см.: 7]. Соцреалистическое видение мира пронизывало собой весь тоталитарный культурный текст. Метаконфликт соцреализма наследовал древнюю мифологическую формулу: борьбу сил Порядка и Хаоса.

Силы Порядка представляли собой единый типологический ряд героев: Культурный герой – Герой открытого пространства – простой советский человек. Универсальной формой существования положительных героев стала форма Парада-отчета [см.: 7, с. 62-63]. «На страницах советских газет вся жизнь предстала как пространство Радости, Света, различных форм парада (военного, производственного, бытового и т.д.)» [9]. Советский парад не обладал свойствами европейского средневекового карнавала, на который он был похож только внешне, с его свободой, телесностью, переворачиванием социальной иерархии [1]. Это было строго организованное Вождем-дирижером действие. Участникам торжества позволялось славить своего Творца, потому что они (счастливые и здоровые) и были его главным детищем. Таким образом, парад был формой отчета народа перед Вождем, демонстрацией самого себя.

Утопический характер тоталитарного мифа состоял в представлениях о конечной, «полной и безоговорочной» победе сил Добра и Порядка над силами Зла и Хаоса. Хронотопу Победы в тоталитарном мире придается особое значение. Парад – это, собственно, торжество, демонстрация Победы. Победа в тоталитарном мифе двулика. Победа имеет несколько форм выражения. Конкретную – с определенной датой и точным местом. С одной стороны, она – кульминация, высшая точка. С другой стороны, Победа – явление, длящееся бесконечно долго, сколько существует советская власть, а она, как известно, «пришла всерьез и надолго» (Ленин). Исходной победой, условием, которое разворачивает советский парад побед, является Октябрьская революция. За ней следуют победы-клоны над всевозможными врагами революции: интервентами, белыми, фашистами и т.д. Историческое движение СССР – это безостановочное великое шествие народа во главе

со своим Вождем от Победы к Победе. Отсюда каждодневный невероятный эмоциональный накал советского журналистского текста. Важным в соцреалистическом миропонимании было ощущение превосходства «Родины Счастья» над странами, оставшимися во власти Хаоса.

Хаос имел две формы. Первая – стихийно-природная. В этом случае он действительно напоминал Хаос, безначальное, неуправляемое пространство. Другая форма была сложнее и противоречивее: это царство врагов, оно соединяло в себе черты и Хаоса и Порядка.

Природная стихия. Победа, как известно, одерживается над кем-то. В границах социалистической Утопии большевикам не может противостоять никто и ничто. Природа – само воплощение стихии (хаоса). Значит, ее нужно покорить (победить, организовать). Покорение природы: могучей реки – Днепрогэс, дикой природы Дальнего востока – Комсомольск-на-Амуре (х/ф «Аэроград», режиссер А. Довженко), стихии Севера (х/ф «Семеро смелых», режиссер С. Герасимов, «штурмовать далеко море посылает нас страна»); другие «великие стройки социализма» (строительство Сталинграда, х/ф «Клятва», режиссер М. Чиатурели), а также колхозы, созданные по приказу партии.

Начинают дело, организующее хаотическое пространство, советские герои-первопроходцы (ударники, стахановцы, «двадцатипятипятисотники», позже «целинники»). Затем за него берется «простой советский человек». Вместе они весело, с энтузиазмом выполняют наказ советской Родины и ее воплощения – Вождя. Так процесс битвы с природой («битва за урожай», «битва со стихией») обретал перманентно-праздничный характер.

Стихийный герой. Справедливо отметила К. Кларк: «Основным конфликтом соцреалистического метасюжета было столкновение стихийности с сознательностью» [4, с. 86]. Стихийно-эмоциональный герой, вмещающий в себя стихию природы, стал объектом воздействия культурного героя (и его помощника). Ему был свойственен недостаток политической «сознательности». Этот герой соцреализма мог нести в себе «родимые пятна капитализма», хаотического прошлого, преодолеваемого по ходу сюжета. Им мог быть молодой человек (Павел Корчагин из «Как закалялась сталь» Н. Островского), народный неформальный лидер (Чапаев – «Чапаев» Д. Фурманова), матрос-«братишка» (Швандя – «Любовь Яровая» К. Тренева), матрос-анархист (Алексей – «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского), ученик, отстающий в школе, уличный хулиган

(«Педагогическая поэма» А. Макаренко) и другие подобные персонажи. Их всех можно признать инвариантом единого социокультурного типа, кем-то вроде Иванушки-дурачка, обретающего сакральные коллективные знания, память и прошлое, и уже с этим багажом входящего во взрослую жизнь. Стихийный человек побеждал в себе старую Природу, безжалостно уничтожая «отжившие» представления и общественные отношения (хищнические, капиталистические, мелкособственнические инстинкты) и становился Новым советским человеком.

Следует заметить, что едва ли не единственным отличием советской журналистики 30-х – начала 50-х, к примеру, от литературы соцреализма, стал образ стихийного героя. В беллетристике он представлен достаточно широко. Однако в журналистике таких героев было откровенно мало. Почему? Дело, очевидно, в видовых характеристиках самого газетного текста. Журналисту в силу небольших размеров текста трудно было описать историю эволюции героя, глубоко и подробно рассмотреть его характер. Таким образом, советская журналистика сосредоточилась на изображении результата, уже преображенной действительности. Более того, такое сверхпраздничное отражение современной действительности больше отвечало задачам, поставленным партийным руководством. Можно сказать, что литература и журналистика поделили зоны ответственности. Первая, во всяком случае, во второй половине 20-х и в 30-е годы, отвечала за изображение процесса, вторая – итога. Получалось у последней, видимо, неплохо. Во всяком случае, в те годы никто не поднимал темы кризиса советской журналистики, в отличие, к примеру, от темы «кризиса советской литературы» [8].

Антагонист (отрицательный персонаж) и его мир. У героев данного типа есть своя градация:

- 1) Антигерой-кукловод (псевдовождь и его слуги), располагающийся в эпицентре антимира;
- 2) Враг народа, «наймит империализма» в мире Порядка.
- 3) Потенциальный враг народа.

Первый тип: соцреалистический антигерой – деятель «мертвого царства», как правило, отдаленного от хронопического (нравственного) центра, в роли которого выступала «родная земля», «социалистическое отечество». В старый мир был записан весь Западный мир как целостный феномен, взятый вместе с его порождением – «фашизмом». Это загнивающий, декадентский, профашистский Запад, мир перевернутой иерархии ценностей,

страна мнимого механического веселья и настоящей грусти и печали. Антимир – провал в историческом времени, тесное, замкнутое, душное пространство, где история остановила, или, скорее, не начинала, свой веселый праздничный бег.

За пределами Утопии процветают только «силы международной реакции»: капиталисты, банкиры, правительства капиталистических стран, их верные клеветы: полиция, разведка. Мир зла маркируется как мир вражды, разложения, вечной войны, агрессии. Там постоянно наступает «реакция», проходят митинги и выступления недовольных своей долей трудящихся: «Поход реакции против рабочего класса в стране», «Митинг в Париже» («Комуніст» (орган ЦК КП(б)У), 4.12.1938) [2].

В советском тексте этот мир получает амбивалентные характеристики. Там, к примеру, есть элементы Порядка, есть свои вожди и должностная иерархия. Они носители абсолютного Зла. Они постоянно вредят, пакостят и угрожают «первой стране победившего социализма». Они со всех сторон окружили единственную Страну Счастья (нужно «помнить о капиталистическом окружении»). Они противостоят светлому коммунистическому миру, засылают врагов-диверсантов, стремятся уничтожить или разложить коммунизм своим «тлетворным влиянием». В этом смысле они огромны (занимают весь несоветский мир), почти всеильны (отвечают за все зло, творящееся в мире), поэтому наделены демоническими чертами.

Но это только одна сторона образа антигероя, другая выступает как опровержение первой. Антагонист – ненастоящий, неправильный вождь – антивождь. Он полностью противоположен подлинному Вождю. Он – неудачник, слабый, кичливый, крикливый, истеричный, злобный, недалёковидный и откровенно глупый. Коллективный портрет вождей мира Хаоса обретает в советском тексте отчетливо карикатурный, жалкий, шутовской характер. Так, «Пуанкаре, один из организаторов европейской бойни 1914-18 годов, прозванный “Пуанкаре-война”, человек, который едва не погубил игру капиталистов Франции, бывший социалист Бриан, знаменитый алкоголик лорд Биркенхед, недавно умерший, и прочие искренние лакеи капитала готовят благословляемое главой христианской церкви разбойничье нападение на Союз Советов» (М. Горький, «Правда», 15.10.1930) [3]. Отсюда расцвет карикатуры как жанра в это время в СССР (Кукрыниксы, Борис Ефимов и др.). Это антигерои, «фашистские шуты», их естественное состояние

описывается понятиями из сферы медицинской патологии: «тяжелый припадок», они впадают в «антисоветский бред» («Комсомольская правда», 20.06.1933) [5]. Они комичны в своих потугах спрятать «Шило в мешке» («Известия», 26.07.1934) [12], которое, как известно, всегда где-нибудь да вылезет. Они не способны создать мир настоящей (подлинной) организации, им непонятна красота подчинения и дисциплины. У них ничего не получается: «Антисоветский закон Кенделя отложен», «Разнобой на парижской «аграрной» конференции», «забастовка текстильщиков в Лауренсе», «Падение цен на пшеницу в Чикаго» («Известия» 27.02.1931). Они все время лгут: «Еще одно доказательство лживости клеветы о «принудительном труде» в СССР» («Известия», 27.02.1931) [12]. Они конструируют мир докультурного Хаоса, только сверху накрытого «личиной» Порядка и Света. Это лживый Порядок и Свет («витрина капитализма»). Несчастливы те страны, где нет настоящего сильного, волевого Вождя. Некому о них позаботиться, они бредут впотьмах, у них нет цели, нет героев.

Все это не исключает величественную, сакральную и подлую цель мира Хаоса: уничтожить царство Света и Справедливости. Для этого в мире Зла без меры изготавливается и накапливается вооружение, снаряжаются бесчисленные армии. Враги-фашисты со всех сторон окружают СССР с целью задушить первую молодую страну рабочих и крестьян. Противостоять этому должны могучая Красная армия и весь советский народ, готовый весь подняться на разгром агрессора (х/ф «Если завтра война»). Демонстрируют превосходство Добра над Темными силами: настоящие войны с «фашистами» (к примеру, с «белофиннами») или квазивойны (квазибитвы) – военные парады-отчеты, проходы военной техники и войск перед глазами Вождя. Судьба Зла драматична. Здесь время настоящего и будущего соединено. Зло побеждается ежедневно и должно быть окончательно побеждено в будущей большой и короткой войне, «малой кровью, могучим ударом» (В. Лебедев-Кумач).

Амбивалентный образ бессильного-всесильного врага находит свое продолжение во врагах внутренних, внутренних «фашистах». Так всеилие представителей зарубежного иномирья проявляется в том, что те умудряются совершить, казалось бы, абсолютно невыполнимое: находят в царстве Гармонии «продажных» представителей Хаоса. Последние – «рядятся в одежды» адептов советского Порядка, «прикидывались радателями пролетариата» [12], но это только хитрая уловка,

они «чужие среди своих». Эти враги представлены и как «осколки» старого дореволюционного и вдребезги разбитого мира, «прямые приказчики старых хозяев русской жизни <...> почти все они бывшие меньшевики» («Известия» 27.02.1931) [12] и как «наймиты» современного империализма-фашизма, марионетки Запада: «Извне против творческой работы Союза Советов – европейский капитал. Он тоже отжил свой срок и обречен на гибель. Но он все еще хочет и все еще имеет силы сопротивляться неизбежному. Он связан с теми предателями, которые вредительствуют внутри Союза, и они, в меру своей подлости, помогают его намерениям разбойника» (М. Горький, «Правда», 15.10.1930) [3]. Это всякого рода «отщепенцы», «гнусные предатели», «враги народа», «вредители», бывшие белогвардейцы, помещики-капиталисты, нэпманы, кулаки, «осколки старого меньшевизма» («Известия» 27.02.1931) [12]. Их «кукловоды» дают им задание – свергнуть страну в пучину Хаоса, разорвать единство советских народов, «...расчленив СССР, оторвать Украину, Белоруссию и среднеазиатские республики» («Такташовец», 6.03.1938) [2]. Антигерой часто окрашен в «иноземные» и «зооморфные» тона. Речь, фамилия (в литературе), одежда, произношение, манеры, повадки, взгляд выдают в нем представителя иномирья.

Представители Тьмы в СССР, в свою очередь, разделены на две группы. Первая, особенно опасная, целящая в сердце советской державы, в ее вождя. Кратчайший путь к возрождению Хаоса – атака на сакральный центр – наглое, дерзкое, циничное и кощунственное предприятие. Это «они хотели физически уничтожить наших любимых вождя – товарища Ленина и Сталина, тов. Ежова», они уже «умертили Куйбышева, Менжинского и величайшего гуманиста М. Горького» («Такташовец», 6.03.1938) [2]. Их деятельность подается как смертоносная и сверхразрушительная: «подлая банда убийц и шпионов» («Огонек», 10.03.1938) [2], «...изверги, капиталисты с звериной злобой, головорезы, продавшиеся фашистским разведкам, готовили убийство миллионов рабочих, крестьян, уничтожение советских городов, заводов, шахт колхозов...» («Такташовец», 6.03.1938) [2].

Вторую группу представляют враги помельче. Они «орудуют» «на местах», к примеру, «на шахте им. Ильича, треста Сергоуголь» («Такташовец», 3.08.1938) [2]. Они, помощники главных врагов, создают «право-троцкистские группы», ломают

советскую технику, организуют взрывы, пожары, завалы на шахтах.

Обращает на себя внимание высокая частотность использования против беззащитных (еще не осужденных) советских граждан понятия «фашист». Так, бывшие меньшевики по указке из заграницы организуют в СССР «вредительский центр» и журнал, статьи из которого перепечатывает «социал-фашистская пресса», а «социал-фашистский II интернационал» готовит интервенцию в СССР («Известия», 27.02.1931) [12]. А «продажная шкура шипящей змеи», «заклятый враг», «злейший гад Долгих», «по заданию... Фашистских агентов», устраивал «пожары, завалы... с человеческими жертвами», его «грязные руки обгарены кровью лучших сынов рабочего класса» («Такташовец», 3.08.1938) [2]. Читатель советской газеты безошибочно должен был распознать «настоящее лицо фашистского бандита Долгих» («Такташовец», 3.08.1938) [2].

Третий подтип из ряда антигероев – потенциальный враг народа. Антигерой – зеркальное отражение достоинств истинного героя. «Антигерой не способен слиться с эпохой, его субъективное (а значит, ущербное) в системе коллективистских ценностей восприятие принципиально не совпадало с ней» [6, с 111]. Поэтому потенциально готовы перейти «в стан врагов революции»: спекулянты-мешочники, лентяи, всякого рода разуверившиеся в светлом будущем нытики или, того хуже, циники-отщепенцы, преклоняющиеся перед Западом. На наш взгляд, тоталитарно-репрессивный характер соцреализма особенно проявлялся в отношении к данному подтипу. Потенциально каждый советский гражданин, заподозренный в недостаточной лояльности, легко мог оказаться в этом лагере.

Российский исследователь А.П. Смирнов справедливо говорит о «негации антропологии в соцреализме», то есть отсутствии в пространстве соцреалистического произведения обычного человека и замещение его сверхчеловеком или его оппонентом недочеловеком, отношения между которыми могут быть построены лишь на базе социальной репрессии [11, с. 33]. Соцреалистический текст пронизывает пафос обязательной победы как пафос безжалостного уничтожения врага: «Смерть убийцам» (Рыкову, Бухарину, Ягоде и др.) [2]; «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями, – против нас всё, что

отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, – его истребляют... И если, окончательно обезумев от страха перед неизбежным будущим, капиталисты Европы все-таки дерзнут послать против нас своих рабочих и крестьян, необходимо, чтобы их встретил такой удар словом и делом по глупым головам, который превратился бы в последний удар по башке капитала и сбросил его в могилу, вполне своевременно вырытую для него историей» (М. Горький, «Правда», 15.10.1930) [3]. На инспирированных властью процессах трудящиеся единодушно требуют «стереть с земли фашистских псов», уничтожить «фашистских выродков», «трудящиеся Донбасса уже вынесли свой приговор», «Советский народ единодушно приветствует твердую политику советского правительства» («Такташовец», 6.03.1938) [2]. Осуждение «выродков» снова приобретает вид всенародного парада, уже не только радостного, но и гневного, и все такого же приподнято-эмоционального, репрессивного, милитаристского. Это грозный и вдохновляющий парад-Победа, парад-битва, парад-митинг, парад-суд – символический акт низвержения (возвращения) слуг Дьявола в Преисподнюю.

Здесь так же, как и в случае с положительным героем, наблюдается взаимопроникновение литературного и «журналистского» текста. Так, на страницах газет появляются, в том числе, частушки, «народные» стихи, к примеру, «Приговор народа»: «... Судейский стол. Сталь прокурорских фраз: так значит сколько вы у немцев взяли, чтоб родину продать... Да, мы стекло подмешивали в масло... Да, Горького убить я приказал... Я деньги брал – ... Иуда-Троцкий враг заклятый наш, ... Мы слышим грозный приговор народа: – Предателей шпионов – расстрелять!» [2].

Подведем краткий итог. Советская культура, включая «журналистику», выстраивала единый социокультурный ряд героев. Универсальным хронотопом соцреалистического текста стал хронотоп парада, веселого и устрашающего одновременно, имеющего различные формы и проходящего по всему пространству страны Советов. Парад символизировал и утверждал Победу Порядка над силами Зла.

Сами же темные силы изображались весьма своеобразно. С одной стороны, этот мир разоблачался как замкнутый, угрюмый, склонный к насилию, репрессии, приобретал «фашистские»

черты. Он окружал СССР, грозил ему уничтожением, засылал вредителей, способных убить не только миллионы советских граждан, но и, что самое страшное «вождей партии и народа». С другой стороны, этот мир маркировался как карикатурный, мир вождей-пигмеев, мир слабости, бессилия власти и разболтанности общества, декадентского морального разложения, пустых развлечений, мир, доживающий свои последние дни.

Таким образом, общая картина получала отчетливые шизофренические черты. Очевидное противоречие смыслового вектора Сила – Бессилие предлагалось преодолеть, вставив его в контекст конспирологических теорий по линии: Настоящее – Настоящее. Настоящее – видимое, внешнее явное, огромное, сильное и мощное, выставяемое напоказ, технически совершенное, свет ночных городов и витрин. Настоящее – глубоко скрываемое, слабое, болезненное, подлое, лживое.

Советская «журналистика» 30-х – начала 50-х годов полностью встраивалась в предложенную ей нормативную соцреалистическую модель отображения действительности, по сути, подменяя исследование реальности картинкой с предзаданными конфликтом и героями. Советский «журналист» приучал своего читателя «не верить глазам своим», не доверять увиденному, факту, а «смело» «срывать маски», выявлять, вслед за журналистом, «тайные» смыслы конспирологической «реальности». Он погружал простого советского человека в увлекательный мир соцреалистического текста, мир полный загадок, тайн, мнимостей и отважного разоблачения мирового капиталистического Закулисья.

Литература

1. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
2. Газеты и журналы 1930–1953 годов («Сталинский» период) [Электронный ресурс]. URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20sity/2012/08/Брянка38-004.jpg> (дата обращения: 19.10.2015).
3. Горький, М. Если враг не сдается, – его уничтожают [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1930_esli_vrag_ne_sdaetsya.ua.shtml (дата обращения: 19.10.2015).
4. Кларк, К. Сталинский миф о «великой семье» // Вопросы литературы. 1992. № 1. С. 89–111.
5. Комсомольская правда: архив газеты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kp.ru/arch/daily/> (дата обращения: 21.10.2015).
6. Меринов, В.Ю. Культурологическая реконструкция тоталитарного хронотопа в русской литературной традиции: Дис. канд. филос. наук. Белгород, Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2004. 155 с.

7. Меринов, В.Ю. Советская журналистика 30-х – нач. 50-х гг. как искусство соцреализма. Положительный герой // Научный результат. Сетевой научно-практический журнал. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2015. № 3(5). С. 55-66. DOI: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-55-66.

8. Перхин, В.В. Русская литературная критика 1930-х годов: Критика и общественное сознание эпохи. СПб.: Изд-во С.-Петербург. университета, 1997. 308 с.

9. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики. М.: Аспект Пресс, 2003. 367 с.

10. Римский, В.П. Тоталитарный космос и человек. Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1998. 126 с.

11. Смирнов, И.П. Соцреализм. Антропологические измерения. // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 29-43.

12. Старые газеты. Известия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (дата обращения: 20.10.2015).

References

1. Bakhtin, M. M. *Francois Rabelais's Creativity and Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 1990. 543 p.
2. *Newspapers and Magazines of 1930-1953 («Stalinist» period)*. [Online]. URL: <http://oldtime.net.ua/Foto%20sity/2012/08/Брянка38-004.jpg> (date of access: October 19, 2015).
3. Gorky, M. *If the Enemy Does Not Give Up – He is Destroyed*. [Online]. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1930_esli_vrag_ne_sdaetsya.shtml (date of access: October 19, 2015).
4. Clark, K. Stalin's Myth of the «Great Family». *Voprosy literatury*. No. 1 (1992). Pp. 89-111.
5. *Komsomolskaya Pravda: Archive*. [Online]. URL: <http://www.kp.ru/arch/daily/> (date of access: October 21, 2015).
6. Merinov, V. Yu. *Cultural Reconstruction of the Chronotop in the Totalitarian Russian Literary Tradition: PhD Thesis in Philos. Sciences*. Belgorod. 2004. 155 p.
7. Merinov, V. Yu. *The Soviet Journalism of the 30s – 50s as the Art of Socialist Realism. Positive Character. Research result. Network scientific journal. Ser. Social studies and humanities*. No. 3(5) (2015). Pp. 55-66. doi: 10.18413 /2408-932X-2015-1-3-55-66.
8. Perkhin, V. V. *Russian Literary Criticism of the 1930s: Criticism and Social Consciousness of the Epoch*. St. Petersburg: Publisher Sankt-Petersburg University. 1997. 308 p.
9. Prokhorov, E. P. *Introduction to the Theory of Journalism*. Moscow: Aspect Press. 2003. 367 p.
10. Rimsky, V. P. *Totalitarian Space and Man*. Belgorod: Belgorod State University Publishers. 1998. 126 p.
11. Smirnov, I. P. *Socialist Realism. Anthropological Measurements. Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 15 (1995). Pp. 29-43.
12. *Old Newspapers*. *Izvestia*. [Online]. URL: <http://www.oldgazette.ru/izvestie/13121937/index1.html> (date of access: October 20, 2015).